

Владлен Давыдов

карик

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Б. Н. ЛИВАНОВЕ

«ТАЙНЫ НАШЕГО ДЕЛА»

В эти дни исполняется 80 лет со дня рождения выдающегося советского актера и режиссера народного артиста СССР Бориса Николаевича Ливанова. Весь творческий путь актера был связан с искусством МХАТа. Из первых рук он принял духовное и художественное наследие основателей театра — К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко и самоотверженно исповедовал «жизнь человеческого духа» до последних дней своей жизни. Образы, созданные Б. Н. Ливановым на сцене МХАТ, стали подлинным венцом актерского искусства.

К 80-летию со дня рождения Б. Н. Ливанова редакционно-издательским отделом ВТО подготовлен сборник статей и воспоминаний «Борис Ливанов». На телевизионном канале работа над фильмом, посвященным актеру, который создал сын актера Василий Борисович Ливанов.

Размышлениями о Борисе Ливанове делится его товарищ по мхатовской сцене, народный артист РСФСР Владлен Давыдов.

«Вечером мне дали роль Дорна в «Чайке» и сказали, что завтра репетиция с Ливановым и послезавтра днем репетиция, а вечером надо играть... Наутро, после того как всю ночь учил текст, я пришел на репетицию с твердым намерением отказаться от роли. Но Борис Николаевич меня переубедил, и не словами, а работой. А потом, когда я уже сыграл эту роль, он мне сказал: «Да, времени у нас было очень мало, но ведь ты всей своей жизнью готовился к этой роли... Он умел поддержать в человеке веру в себя.

Помню и то, как в 1968 году он радовался еще одному новому составу «Трех сестер». Я записал тогда его слова:

«Я очень доволен этим прогином — это ваша победа — молодцы! Когда мы готовили этот спектакль с В. И. Немировичем-Данченко, то никто из «стариков» не верил, что мы сыграем, — это нормально! Но если вы сами взволнованы чеховским содержанием, то это волнует невероятно! То, что вы делаете, — это не копия, а это новые индивидуальности и, значит, новые человеки... Сегодня вы прошли «огонь, воду, медные трубы и волчьи зубы»... Поздравляю и желаю...»

Мне он тогда сказал: «То, как ты играешь роль Кулыгина, — это твое большое приобретение, и можешь положить его в свою копилочку»...

Выступления, высказывания, замечания Бориса Николаевича всегда были яркими, образными и страстными, а остроты — неотразимыми. У него был острый глаз художника.

Когда Ливанов приходил на какое-нибудь совещание или собрание, он сейчас же вынимал из кармана ручку, чистые листки бумаги и начинал незаметно кого-нибудь рисовать. При этом он всегда слышал и видел все, что происходит вокруг, и время от времени вставлял точные и остроумные реплики. Шаржи его были не всегда дружеские, но всегда удивительно точно раскрывающие сущность человека. Он почти никогда не показывал никому эти свои рисунки. Рисовал он не только шаржи. Он часто делал наброски и эскизы для своих ролей, и не только для грима и костюма, а выражал в них характер и суть образа, как это было с Солевым, когда его собственный рисунок помог ему окончательно найти этот оригинальный образ.

Когда он знакомил кого-нибудь со своей женой, то обычно говорил: «Это моя половина. Это моя лучшая половина»...

Ему как-то позвонили из театра: «Борис Николаевич, завтра вас просят зайти в художественную часть». Он ответил:

— Как это Художественное целое может зайти в художественную часть?..

М. Н. Кедров возобновил спектакль М. Горького «Враги», а Ливанов только что поставил «Егора Булычова». И вот перед просмотром генеральной репетиции «Врагов» он в шутку на ходу сказал: «Иду посмотреть своих «врагов» в гримах»...

Борис Николаевич быстро реагировал на все события и всегда имел свое определенное мнение...

В 1961 году мы были на гастролях в Киеве. После шефского концерта на конфетной фабрике нас пригласили в цехи посмотреть производство. (Я снял этот концерт и экскурсию на киноплентку). Нам раздали белые халаты и шапочки. С каким юмором надевал на себя все это Борис Николаевич, и сколько было остроумно на тему поваров и ветеринаров, пока мы ходили по цехам!.. Причем в его импровизации все это было обязательно почему-то главным повар, главный кондитер, главный ветеринар...

Как-то он сказал: «Соленого я играл как главную роль. В этом признании, по-моему, весь Ливанов! Да, у него все, что он делал, было главным. Он не мог делать ничего вполсилы или безответственно. Он говорил полшутя: «Ты думаешь, Ливанову все легко? Не-е-т, Ливановым быть о-о-очень трудно!»

...После ухода из театра А. В. Солдовникова наша многоречивая коллегия была заменена художественным руководством в составе трех человек: М. Н. Кедрова, Б. Н. Ливанова и В. Я. Станицына. Но и это руководство не сумело вывести театр из тупика, о котором в 1942 году писал коллективу театра Вл. И. Немировича-Данченко и предупреждал еще раньше К. С. Станиславский в надписи на своей фотографии Ливанову:

«...Милому и любимому артисту, хорошему человеку.

Кому много дано, с того много и спросится. Отвечайте мне, что Вы сделали с Вашим прекрасным талантом? Поняли Вы главные основы искусства? Изучили Вы их? Знаете ли Вы, что единственная радость в нашем деле — познавание творческих тайн органической природы? Подсказал ли Вам талант, что театр во всем мире контакте навсегда; что уцелели единицы, еще знающие, что такое искусство. Таких единиц, знающих кое-что об искусстве, больше, чем где-нибудь — в нашем театре. Это обязывает его ко многому. Но и эти единицы стареют и уходят от нас, а с ними уходит и русское искусство артиста. Не пропустите их, чтоб тайны нашего дела не оказались навсегда схороненными. МХАТ — призван спасти мировое искусство. За неисполнение этого указа судьбы ответите вы, оставшиеся в живых молодые последователи. Если это вам удастся — вас ждет Слава. Нет — вас заклеймит позор.

Не теряйте времени! Бросайте все, учитесь снова, все очень отстали; искусство открывает все новые законы!

Пришло последнее время.

Вы один из тех, об котором я думаю, когда мне мерещится судьба театра в небывало прекрасных условиях для его расцвета — в нашей стране.

Любящий и надеющийся на Вас
К. Станиславский

8 июля 1936 г.

Главная причина, как мне кажется, была в том, что авторитет каждого из этих

трех руководителей был так велик, что это им мешало признать авторитет другого... Это были люди противоположных характеров и темпераментов. У них было разное понимание смысла деятельности Художественного театра. Работать с ними всегда было интересно: это были большие художники. Они разными путями пытались идти к одной цели в искусстве. Но руководить театром каждый из них хотел отдельно и, может быть, каждый имел на это право, но не мог — это было невозможно по многим причинам.

Мы часто спорили с Борисом Николаевичем о театре, о его будущем. Когда я его спросил:

— Ну почему у вас, хотя бы у двух «стариков», нет единого мнения?

Он ответил мне:

— А почему у вас, у двух молодых, бывает три разных мнения?

— Да потому, что нашим театром руководят три разных человека!..

В конце декабря 1969-го и в начале января 1970 года на заседаниях художественного совета театра шло бурное обсуждение пьесы Э. Разилинского «О женщины», которую поставил в филиале приглашенный в МХАТ режиссер Б. А. Львов-Анохин. Спор шел не столько об этом спектакле, сколько о будущих путях Художественного театра. Б. Н. Ливанов был куратором этой работы, поэтому выступал особенно страстно, впрочем, он всегда выступал горячо и темпераментно. Он сказал тогда:

«Поднят вопрос: где же сейчас Художественный театр? А Художественный театр — вот он такой и есть, в котором мы сейчас служим. Значит, в этом и надо разбираться.

Клянусь вам, товарищи, что у нас существует, говоря элементарно, две точки зрения на деятельность Художественного театра. Одна точка зрения на сохранение Художественного театра, представление о Художественном театре весьма и весьма традиционное... И обществу рассматривает это явление чрезвычайно отрицательно. Хотя есть поклонники и этого направления в Художественном театре. Но есть и другое направление, и его я, например, лично, всячески приветствовал и буду приветствовать. А какое именно?

Я 45 лет в Художественном театре. Как вам известно, я тоже ученик Станиславского и Немировича-Данченко. Мои 45 лет ничем не отличаются от 45 лет других моих товарищей, которые имеют другое представление о смысле деятельности Художественного театра. Что делать — вопрос чрезвычайно серьезный.

Я лично глубоко убежден, что Художественный театр — это не сохранение давних традиций, а прежде всего развитие принципов искусства Художественного театра. Если вы внимательно прочтаете все литературное наследие, оставшееся нам в завещаниях, то увидите, что там ничего догматического не завещано. Константин Сергеевич безмерно боялся, чтобы его система не превратилась в догму, во что она в значительной мере превращена в театре. Это имеет место, и я могу это подробнейшим образом доказать. На эту тему я могу сделать абсолютно точно и ответственно по крайней мере три доклада...

Теперь перехожу к этому опусу. Жанр этой пьесы чрезвычайно причудлив и оригинален. Я его приветствую всячески. Я считаю, что и Константин Сергеевич и Владимир Иванович искали изменений не только в задачах и смысле деятельности Художественного театра, но

видели смысл и в поисках жанров, в поисках смешения жанров, в поисках выражения этих жанров. И это касалось не только технологии актерского искусства, это касалось целого комплекса выразительных средств театра: режиссуры, трактовки пьес, понимания идей, заложенных в этих пьесах, понимания эмоциональных смыслов, понимания поэтики и эстетики произведения, которое ставит Художественный театр в том или ином случае...

...Что я бы хотел еще сказать, дорогие товарищи мхатовцы? Я никак не могу понять одной вещи, простите за маленькую, так сказать, предюдию, но она необходима мне для того, чтобы разобраться в вопросе, который я сейчас хочу поднять. Это огромный вопрос, и никакого заседания не хватило бы, чтобы вам меня прослушать — потому, что это — огромная тема...

В какое время мы живем? Во-первых, представление о Вселенной безмерно расширило нашу жизнь. Такого представления о Вселенной раньше не было. До наших дней вообще никто себе не мог представить реальность того нереального, что стало реальным... Значит, «остраненность» и «остраненная» глубина — в постижении, желании увидеть человека максимально прекрасным, тончайшим организмом этой планеты, тончайшим и сложнейшим. Поэтому искусство Художественного театра обязано идти не в сторону буквального выражения, якобы живого, органического пребывания актера на сцене — этого недостаточно! Это, товарищи, Станиславский называл «правленкой», с этим боролся и Владимир Иванович, когда они были живы и максимально деятельны в театре. Это дает мне право так широко и обширно ставить эти вопросы...

Я считаю, что эта работа должна быть приветствуема в театре, — я убежден в этом глубоко. Что ж такого, если в ней есть какая-то занятая причудливость, если в ней есть что-то такое, что не являет собой бытовизм, жанризм? Да не надо ничего именно для этой пьесы — она слушается, она волнует. Я вам отвечаю головой — ее будет посещать молодежь и будет учиться на ней высочайшим примерам понимания смысла жизни, смысла любви, понимания человека, его красоты — в максимальных представлениях о красоте, о человеческой жизни!..

Последней постановкой Ливанова во МХАТе, его «лебединой песней» была «Чайка», которую он поставил к 70-летию театра. Спектакль этот был ему очень дорог — недаром он за три недели до своей смерти написал исполнителям письмо.

«Дорогая Ангелина Осиповна, дорогие друзья! В прошлом сезоне я смотрел последний спектакль «Чайка». Конец сезона... Все устало. Но спектакль прошел стройно, четко, точно по партитуре действия. Все образы были живые, чувства верные и яркие. Все было драматически поэтично. «Чайка» — не бытовая пьеса, и в этом смысле — единственная из всех пьес Чехова. Поэтому ее особенно трудно играть. Она очень сложна своим контрапунктом, полифоничностью. Вы помните, как горячо принимал зритель спектакль? А в зале была духота нестерпимая. Спасибо Вам за этот спектакль!.. Поздравляю Вас с началом театрального сезона и в Вашем лице поздравляю весь театр. Желаю Вам здоровья, успехов!

Ваш Борис Ливанов.

31-го августа 1972 г.